

Проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз

А. О. Манькова

*Лаборатория лингвистических и фоноскопических экспертиз LITERA.EXPERT
ул. Советская, 1а, 238580, Янтарный, Калининградская область, Россия. E-mail:
a.o.mankova@gmail.com*

В статье описаны проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз в разрезе процессуального аспекта судебно-экспертной деятельности, а также уровня профессиональной компетенции сведущего лица. Отмечено, что в рамках судебного процесса возможность применения специальных знаний у негосударственных экспертов находится в зависимости от того, кто является инициатором проведения исследования: суд, сторона обвинения или сторона защиты. Рассмотрено понятие «эксперт» в значениях «процессуальный статус», «квалификация по диплому об образовании» и «должность в экспертном учреждении». Приведены случаи из практики автора, раскрывающие примеры ошибок, связанных с некорректным установлением объекта исследования и соблюдением границ экспертной специальности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, специальные знания, процессуальный статус, состязательность сторон, экспертные ошибки, негосударственный эксперт.

Using Expertise in Performing Linguistic Examination

A. O. Mankova

*Linguistic and Phonoscopic Examination Laboratory LITERA.EXPERT
1a Sovyetskaya St., 238580, Yantarny, Kaliningrad Oblast, Russia. E-mail: a.o.mankova@gmail.com*

The article describes the usage of expertise in performing linguistic examination in regards to the procedural aspect of forensic practice, as well as the level of expert's professional competence. The possibility for non-state experts to apply their specialized knowledge during a trial is noted to depend on who initiates the examination – the court, the prosecution or the defence. The notions of “an expert” in the sense of “standing in the proceedings”, “qualifications as per graduation certificate” and “official capacity at an expert institution” are analysed. The author provides cases from personal practice which expose errors related to competent establishment of an object of examination and to remaining within the boundaries of expert speciality.

Key words: linguistic examination, expertise, standing, adversary system, expert error, private expert.

Проблемы использования специальных знаний во многом сопряжены с процессуальным аспектом экспертной деятельности. Прежде всего, это касается статуса лица, проводящего исследование. Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее – ГСЭД) закреплено, что эксперт может быть государственным или негосударственным. В первом случае, находясь на службе в каком-либо ведомстве, он имеет процессуальный статус, уровень его компетенции подтверждается руководителем экспертного учреждения, проводимое им исследование является доказательством, оформляется заключением эксперта и обязательно для приобщения к материалам уголовного дела.

Деятельность негосударственного эксперта также регламентируется положениями ГСЭД. Однако возможность приобретения им процессуального статуса зависит от того, кто выступает инициатором проведения исследования. Обращение со стороны адвоката, в отличие от суда или стороны обвинения, не наделяет сведущее лицо процессуальным статусом, результат его дальнейшей работы не имеет априорного доказательственного значения, а вопрос о приобщении к материалам дела на практике решается по усмотрению суда. При этом уровень квалификации эксперта и объем его специальных знаний остаются неизменными вне зависимости от того, кто назначил проведение исследования.

Согласно квалификационным требованиям, изложенным в статье 13 ГСЭД, государственному эксперту достаточно иметь высшее и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. В законе отсутствует указание на необходимость соответствия между специальностью по диплому и родом проведенной экспертизы. Часто это приводит к тому, что лингвистические экспертизы выполняют, например, дипломированные специалисты в области физики. Формально нарушением это не является. Однако и в профессиональной среде, и в судебном процессе такое положение дел может восприниматься критически. Одновременно с этим эксперты, ведущие частную практику, нередко по собственной инициативе в дополнение к университетскому обучению систематически проходят курсы повышения квалификации, становятся членами авторитетных профессиональных сообществ и получают ученую степень.

Таким образом, проблема использования специальных знаний в рамках судебно-экспертной деятельности состоит, прежде всего, в неочевидной возможности их применения, поскольку правом предупреждать об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и разъяснять эксперту его права и обязанности обладают суд, представители следственных органов и руководитель экспертного учреждения; адвокат же таким правом не наделен. Это обстоятельство, с точки зрения судебного процесса, определяет, кто из обладателей специальных знаний является экспертом, а кто нет.

Путаница возникает также в связи со смешением понятий процессуального статуса, должности и полученной профессии. Например, выпускники юридических вузов, прошедшие подготовку по экспертному профилю, могут иметь диплом о высшем образовании по специальности «Речеведческие экспертизы». При этом в рамках судебного процесса наличие профильного образования не наделяет его обладателя должным статусом. Подобная ситуация наблюдается и с лицами, занимающими должность эксперта в негосударственных экспертных учреждениях. Приказ руководителя организации о приеме на работу также не означает получение сотрудником процессуального статуса.

Такое положение дел актуализирует попытки негосударственных экспертов определить свое место в уголовно-процессуальной системе. Среди них, например, добровольная сертификация – процедура, прохождение которой позволяет получить сертификат соответствия требованиям стандарта при осуществлении судебно-экспертной деятельности. Обладатель этого документа может подписывать подготовленное им заключение как «сертифицированный эксперт», а само заключение именовать актом лингвистического исследования. Подобные меры формально позволяют частным экспертам оставаться в правовом поле, но к системному решению проблемы не приводят.

Рассуждение о специальных знаниях и проблемах, возникающих при их использовании, требует, прежде всего, дефинирования этого понятия. Остановимся на определении, предложенном Е. И. Галяшиной. Специальными знаниями ученый называет «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства» [Галяшина 2022: 194]. Применительно к судебной лингвистике предложенная дефиниция может быть конкретизирована: важно наличие не только диплома о высшем филологическом или лингвистическом (не обязательно – экспертном) образовании, но и умение применить профессиональные знания для решения задач в рамках судебного процесса. Иными словами, как таковой анализ текста, без учета юридических обстоятельств конкретной ситуации, в рамках экспертной деятельности значения не имеет.

В этой связи существенными представляются сведения, указанные в постановлении о назначении экспертизы. Прежде всего это касается вида экспертизы, заданных вопросов и обозначенных объектов исследования. При кажущейся очевидности навык эксперта вычленять из постановления эту информацию позволяет на практике избежать серьезных ошибок.

Инициаторы, как правило, рассуждают в рамках правовых понятий, что неизбежно отражается в формулировках вопросов, поставленных на исследование. Однако эксперту важно понимать и выдерживать свой процессуальный статус, а также не нарушать пределы своей компетенции. Приведем примеры некорректных для лингвистического исследования вопросов:

- является ли текст клеветой;
- содержатся ли в тексте признаки экстремизма;
- имеются ли высказывания, подтверждающие осведомленность Иванова о незаконности выполнения строительно-монтажных работ?

Недопустимость формулировок в приведенных первых двух примерах состоит в использовании правовых понятий. В приведенной редакции вопросов эксперту фактически предлагается квалифицировать речевое деяние как преступление. В третьем вопросе смоделирована ситуация, при которой следователь поручает эксперту, во-первых, установить соответствие представленных сведений действительности, во-вторых, определить совершение описанных действий как незаконное. Норма, запрещающая оценивать деяния с точки зрения правоприменения, содержится п. 4 Постановления Пленума Верховного суда №28 от 21.12.2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, не допускается».

Случается, что формулировки вопросов не соотносятся с родом назначенной экспертизы. Наиболее частые случаи связаны со смешением лингвистики и психологии. Приведем пример такого вопроса:

- имеются ли высказывания, направленные на убеждение собеседника в обоснованности увеличения цены?

Вопросы, связанные с направленностью, формированием мнения, восприятием того или иного текста, требуют специальных знаний в области психологии. В последнее время наблюдается активное вхождение в экспертную практику психолого-лингвистических исследований. Это стимулирует действующих экспертов-лингвистов получать образование психолога, чтобы иметь возможность проведения комплексных экспертиз. Формально ГСЭД не запрещает выполнять комплексную экспертизу одним экспертом при наличии у него образования по соответствующим специальностям. Однако если в постановлении назначено проведение лингвистической, а не психолого-лингвистической экспертизы, вопросы направленности или восприятия лингвистом решаться не могут. Описанный случай формально не будет нарушать положение указанного выше Постановления Пленума ВС о том, что «вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний» [Постановления Пленума ВС №28 от 21.12.2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», п. 4]. Однако, как видим, ошибка может содержаться не столько в формулировке вопроса, сколько в соответствии заявленному роду экспертизы.

Решением подобных проблем может стать налаживание взаимодействия эксперта со следователями и адвокатами. Практика предварительного консультирования позволяет оценить текст, подлежащий исследованию, на пригодность, корректно сформулировать вопросы и сэкономить время. Ознакомление заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы, ожидание в очереди среди уже находящихся в производстве экспертной лаборатории материалов, собственно проведение исследования может занимать месяцы. При условии неопытности инициатора или отсутствия его взаимодействия с экспертом происходит неизбежное затягивание процесса в целом и более длительное нахождение обвиняемого под стражей в частности.

Корректное установление объекта исследования является еще одним важнейшим навыком эксперта, позволяющим минимизировать проблемы использования специальных знаний. Нередко при назначении лингвистической экспертизы следователи предоставляют фонограмму, записанную на материальном носителе, и протокол осмотра вещественного доказательства, в котором приводится стенограмма разговора. Таким образом эксперт получает в распоряжение устный (аудиозапись) и письменный (стенограмма) тексты. Объектом исследования является тот из них, который непосредственно фиксирует коммуникативное событие. Стенограмма в этом случае выступает как вспомогательный элемент, являющийся результатом соблюдения процессуального порядка и в некоторых случаях позволяющий эксперту предварительно оценить текст.

Вторичность стенограммы для экспертного исследования состоит в том, что составляющее ее лицо (сотрудник оперативно-следственных органов), как правило, не обладает специфическим слуховым опытом. Речь идет не только об остроте восприятия и умении сегментировать речевой поток в условиях низкого качества фонограммы, но и о корректной фиксации условий акустической обстановки, десемантизированной лексики, особенностей произношения слов, индивидуальной паузации, имеющей значение для решения экспертной задачи. Кроме этого, следователи нередко пренебрегают фрагментами диалога, которые, по их мнению, не имеют отношения к расследованию уголовного дела, а для эксперта они могут стать источником важной идентифицирующей или ситуалогической информации.

Собственноручно составленный экспертом протокол дословного содержания устного текста, с одной стороны, обеспечивает ему уверенность в правильной передаче необходимых признаков, которые лягут в основу исследования, с другой стороны – реализацию нормы ГСЭД о независимости эксперта.

На необходимость составления протокола дословного содержания фонограммы указывают разные методики, рекомендующие порядок действий при работе со звукозаписями. Например, разработанная в МВД РФ типовая экспертная методика «Техническое исследование фонограмм» рекомендует «использовать текст установленного дословного содержания при исследовании устного текста во всех аспектах при производстве судебной лингвистической экспертизы» [Хуртилов и др. 2010: 480]. В книге «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», изданной в Минюсте РФ, рекомендуется «выполнить расшифровку записи с помощью экспертоучастия фонографиста; выполнить расшифровку записи самому эксперту-лингвисту в том случае, если он аттестован по специальности 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи» [Кукушкина и др. 2011: 204].

Приведем пример экспертных ошибок, которые стали возможны в результате невнимательного ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и несоставления экспертом-лингвистом протокола дословного содержания текста. Описанный случай взят из практики автора в ходе проведения научно-методического рецензирования на основании адвокатского запроса.

Согласно постановлению, на исследование был поставлен вопрос о наличии определенных высказываний в «разговоре, содержащемся в аудиофайле». В распоряжение эксперта были переданы копия оптического диска и справка о результате оперативно-розыскного мероприятия со стенограммой телефонного разговора. При ознакомлении с материалами эксперт ограничился описанием бумажного конверта и внешнего вида диска, но не привел описание объекта исследования. В заключении не было отражено содержание полученного диска: отсутствовали сведения о том, были ли на этом диске зафиксированы какие-либо файлы, а также количество этих файлов, наименования, формат, размер, длительность, текстовые границы и хэш-суммы.

Несмотря на прямое указание в постановлении исследовать аудиофайлы, в заключении сообщалось, что лингвистическому анализу подвергался текст стенограммы, который «соответствует содержанию диска». Однако протоколы дословного содержания звучащей речи в экспертизе отсутствовали, поэтому установить, каким именно образом эксперт пришел к выводу о соответствии аудиозаписи и стенограммы, невозможно.

Кроме того, эксперт указал, что «при необходимости» откорректировал ошибки в стенограмме. Согласно ст. 16 ФЗ ГСЭД, эксперт обязан обеспечить сохранность предоставленных объектов исследования. Положением той же статьи закреплено, что эксперт не вправе существенно изменять свойства объекта исследования без разрешения лица, назначившего экспертизу. В постановлении о назначении экспертизы такого разрешения зафиксировано не было, а содержание заключения не позволило установить существенность изменений, которым эксперт подверг письменный текст.

Ознакомление с текстом стенограммы без соотнесения ее содержания с аудиозаписью показало дублирование двух листов, что свидетельствовало о наличии признаков некорректного составления документа. Этого обстоятельства уже было достаточно для того, чтобы эксперт подверг текст стенограммы сомнению и собственноручно составил протокол дословного содержания устной речи.

Описанный случай демонстрирует пример грубой ошибки, когда эксперт фактически совершил подмену объекта исследования, во-первых, проигнорировав содержание вопроса и исследовав стенограмму вместо аудиозаписи, а во-вторых, подвергнув письменный текст изменениям. Проблема использования специальных знаний в этой части состоит в том, что эксперт, несмотря на умение проводить глубокий лингвистический анализ, допустил коренную ошибку перед началом исследования и предоставил тем самым участникам судебного процесса повод сомневаться в результатах экспертизы.

Задачей экспертной деятельности, согласно ст. 2 ГСЭД, является оказание содействия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию посредством решения вопросов, требующих специальных знаний. Исходя из материалов, имеющихся в уголовном деле, может быть назначен тот или иной род экспертизы для доказательства вины или невиновности человека. Приведем пример из экспертной практики автора, когда лингвистическое исследование, проведенное по инициативе адвоката, выступило противовесом в ряду множества судебных экспертиз, назначенных следователем.

В ходе расследования уголовного дела по статье о незаконном производстве наркотических средств было проведено прослушивание телефонных переговоров с последующим обыском квартиры. В результате следственных действий у подозреваемого изъяли оборудование (канистры, плиту, колбы, порошок, посуду) и листы с рукописным текстом, содержащим инструкцию по производству предположительно наркотического вещества. По инициативе следователя были проведены химическая, дактилоскопическая, почерковедческая и фоноскопическая экспертизы.

Химическая экспертиза позволила установить, что вещество, имеющееся на поверхности изъятого оборудования, является наркотическим. В ходе проведения дактилоскопической экспертизы изъятые отпечатки следов пальцев рук были признаны принадлежащими одному из фигурантов. При помощи исследования рукописного текста было определено, что инструкция написана почерком обвиняемого. В рамках фоноскопической экспертизы было проведено техническое исследование фонограммы и идентификация по голосу и речи. В результате признаков монтажа обнаружено не было, а сравнение аудиозаписи и образцов голоса показало совпадение всех признаков на каждом речевом уровне.

Лингвистическое исследование в материалах дела появилось в результате ходатайства адвоката. Экспертному анализу подверглась аудиозапись, полученная в ходе прослушивания телефонных переговоров и ранее уже бывшая объектом исследования фоноскопической экспертизы. Перед лингвистом стояла задача проанализировать устный текст на наличие признаков маскировки содержательных элементов и сведений о процессе изготовления наркотического средства.

Анализ текста показал, что разговор представляет собой опосредованный диалог двух лиц с мужским типом голоса. Обращая друг к другу на «ты», коммуниканты не называли имен, прозвищ, топонимов и временных маркеров. Темой разговора являлось обсуждение последовательности действий одного из собеседников по изготовлению неназванного вещества.

Пропуск слов, использование местоимений в отношении обсуждаемого вещества и отсутствие прямых номинаций свидетельствовало об осведомленности собеседников относительно предмета речи. Логические связи между предложениями и их частями в тексте были сохранены, а эмоциональная реакция соответствовала логике и тематике разговора. Корректные ответные реплики, малая длительность, одобрение одним собеседником действий другого, большая осведомленность одного из коммуникантов демонстрировали, что для понимания друг друга более детальное обсуждение являлось избыточным и в маскировке предмета речи у собеседников не было необходимости.

Установить, идет ли речь именно об изготовлении наркотического средства, оказалось невозможным, поскольку прямое упоминание номинаций «наркотическое средство» («наркотик»), а также указания на какой-либо объект с признаками, свойственными наркотикам (вещество, которое парализует нервную систему, вызывает возбуждение, непреодолимое влечение и приводит к тяжелым нарушениям в организме [Ефремова Т. 1. 2000: 955-956]), отсутствовали.

Выстраивание обсуждаемых действий по изготовлению неназванного вещества в хронологическом порядке показало, что в момент разговора процесс изготовления находился на промежуточной стадии. На предшествующих этапах, которые происходили до начала разговора, с веществом произошла некоторая реакция, в результате которой оно подверглось изменениям. Будущими действиями коммуниканты называли долитие к веществу воды и выливание чего-то жидкого в некоторую емкость. В результате действий с веществом происходило затвердение, изменение концентрации, появление новых слоев, отделение одного вещества от другого. В результате проведенного лингвистического исследования был сделан вывод о том, что признаки маскировки и номинации, указывающие на

наркотическое средство, в устном тексте отсутствуют, а описанные процессы и действия не могут быть однозначно соотнесены с производством именно наркотического вещества.

Описанный случай позволил посмотреть на проблему использования специальных знаний под дополнительным углом. С одной стороны, экспертиза может служить источником укрепления позиции. С другой стороны, при наличии в материалах дела экспертиз разной родовой принадлежности (например фоноскопической, почерковедческой, химической и дактилоскопической), доказывающих виновность, проведение другого вида исследования (например лингвистического) может служить противовесом, в результате чего у адвоката появляется дополнительный аргумент в защиту обвиняемого.

Таким образом, успешное применение специальных знаний во многом зависит от процессуального аспекта деятельности. В случае назначения исследования стороной защиты, несмотря на высокий уровень подготовки сведущего лица, задача экспертной деятельности на практике реализуется не в полной мере – адвокаты не уполномочены разъяснять эксперту его права и обязанности, что нередко приводит к нарушению декларируемого в судопроизводстве принципа состязательности сторон.

Кроме процессуального аспекта, проблема использования специальных знаний соотносится и с уровнем профессиональной компетенции самого эксперта. Внимательное ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, решение вопросов в рамках своей специальности и корректное установление объекта исследования позволят подобрать эффективные методы исследования, избежать грубых ошибок при проведении анализа и формулировании выводов, а значит – дать обоснованное и объективное заключение.

Литература

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2022.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. М., 2000.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 года №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Хуртилов В. О., Назарова Т. В., Манянин П. А., Серебряков И. А., Лебедев К. А. Техническое исследование фонограмм / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. М., 2010.

References

Federal Law from 18.12.2001 №174-FL (rev. from 28.04.2023) "The Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (in Russian).

Federal Law from 31.05.2001 №73-FL (rev. from 01.07.2021) "On State Forensic Expert Practice in the Russian Federation" (in Russian).

Galyashina, E. I. (2022). Forensic Linguistic Examination. Moscow (in Russian).

Khurtilov, V. O., Nazarova, T. V., Manyanin, P. A., Serebryakov, I. A. Lebedev, K. A. (2010). Technical Examination of Phonograms. Model Expert Techniques of Examining Physical Evidence. Part 1. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, U. A., Sekerazh, T. N. (2011). The Theoretical and Methodical Basics of Forensic Psychological and Linguistic Examination in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).

Ruling of Supreme Court of Russian Federation from 21 December 2010 №28 "On Forensic Examination in Criminal Cases" (in Russian).

Yefremova, T. F. (2000). A New Dictionary of the Russian Language. Definitions and Guidance. In 2 vol. Moscow (in Russian).

Citation:

Манькова А.О. Проблемы использования специальных знаний при производстве лингвистических экспертиз // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 78-82.

Mankova A.O. (2023) Using Expertise in Performing Linguistic Examination. Legal Linguistics, 30, 78-82.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License